

DEADLINES

Abstract and C.V. Deadline: **January 16**

Notification of Acceptance: **February 12**

Scheduling Conflicts and Housing Requests Due: **February 16**

Panels Announced: **February 26**

Final Papers to Committee and Presenter Registration Deadline: **March 9**

For more information...

REGISTRATION FEES Students: \$20

Faculty/Scholars: \$45 General Attendees: \$20

140 Enarson Classroom Building, 2009 Millikin Road, Columbus, OH 43210
(614) 292-8770 / csees@osu.edu

slaviccenter.osu.edu

THE OHIO STATE UNIVERSITY

CENTER FOR SLAVIC AND
EAST EUROPEAN STUDIES

*****

New Journal on American Literature in Russia

Андрей Алексеевич Аствацатуров (СПбГУ)

Новый журнал американистов

Рец.: Литература двух Америк. Рецензируемый научный журнал. 2016. № 1.
М.: ИМЛИ РАН, 2016. – 304 с.

Потребность в такого рода периодическом издании назрела уже давно. Я думаю, нет особо смысла доказывать важность американских и латиноамериканский штудий, учитывая значимость стран обоих Америк в мировой политике, истории, культуре. Однако российские американисты, разбросанные по городам нашей необъятной родины и оказавшиеся в странах ближнего зарубежья, во многом разобщены. Научной конференции американистов, которая ежегодно проходит в МГУ, семинаров, и случайных тематических сборников явно недостаточно, чтобы объединить их усилия.

В условиях кризиса социальных и гуманитарных наук, связанного с недоверием к «большим нарративам», глобальным задачам, в условиях невероятного многообразия подходов, в ситуации методологической растерянности, а также беспрецедентной раздробленности знания, его превращения в сборку частных проблем, необходимость в создании общей дискуссионной площадки более чем очевидна. Блогосфера в этом плане давно опередила наше научное сообщество. В социальных сетях уже много лет активно действуют группы любителей американской словесности, куда профессионалы, разумеется, не заглядывают. А между тем, их подопечные, литераторы обеих Америк, да нередко и сами они оказываются там предметом любопытных и живых дискуссий, иногда, впрочем, слишком «живых», чтобы их воспринимать всерьез.

Некоторый опыт существования в науке подсказывает мне, что существует два типа периодических изданий: в первых что-то происходит, появляются оригинальные исследования, генерируются новые идеи, а во вторых обсуждают то, что происходит в первых. Скудность вторых изданий, с их повторением чужих идей, нередко несвежих, как будто, очевидна. Куда увлекательнее быть законодателем научной моды и бежать впереди всех. Но безоглядная увлеченность собственными идеями часто превращает способных людей в комиков из заезжей провинциальной труппы, а порой, ежели все еще хуже, в пациентов психиатрических лечебниц. Поэтому в идеале научному изданию требуется и то, и другое: собственные частные исследования и обзор того, что происходит за его пределами.

Первый номер журнала «Литература двух Америк» - удачный образец того, как обе эти тенденции сочетаются в нужной пропорции. Здесь есть и собственно исследовательские публикации (А.Кофман, О.Ушакова, Д.Робинсон, И.Головачева, И.Кабанова) и обзоры, знакомящие нас с тенденциями современной американистики (О.Анцыферова, И.А.Делазари, Н.Высоцкая), а также, что немаловажно, архивные публикации (В.Попова, С.Панов и О.Панова). Имена всех этих авторов хорошо известны любому, кто в нашем отечестве занимается американскими исследованиями. Журнал позиционирует себя как периодическое издание, посвященное двум Америкам, но сразу же бросается в глаза, что предпочтение отдается Северной, причем не всей, а именно литературе США.

Журнал организован вполне традиционно и состоит из подвижных рубрик («Поэтика. Прочтения и интерпретации», «Контексты литературы», «Старый и Новый свет», «История американистики», «Хроника. Обзоры. Рецензии»). Сами публикации, в целом, отражают состояние науки, некоторую методологическую разобщенность, ситуацию, когда невозможно придерживаться единой линии. Так, крайне интересная публикация Андрея Кофмана («Тема варварства в испаноамериканской литературе») совмещает историко-культурный, историко-литературный, историко-понятийный и этнографический подходы. Проследившая трансформацию понятия, его генезис, автор совершает экскурс в различные эпохи, вскрывая культурные коды и анализируя базовые тексты. Совершенно по-иному строится

статья Ольги Ушаковой, чьи публикации всегда отличаются академизмом, аналитической осторожностью и взвешенностью выводов. Ушакова ограничивает поле своего исследования одной эпохой, одним автором и даже одним периодом творчества. Впрочем, избранный ею персонаж по своей сути, по своему масштабу сам как целая эпоха – Т.С.Элиот, автор таких шедевров как «Бесплодная земля» и «Четыре квартета». Однако объектом исследования О.Ушаковой становится не «Бесплодная земля», не «Квартеты», а самый ранний период творчества Элиота, его стихи, составившие тетрадь «Инвенции мартовского зайца», найденные и опубликованные совсем недавно, относительно которых у американистов еще нет научного консенсуса. Ушакова предлагает крайне увлекательный анализ, представляя совсем молодого, мало кому известного Элиота в различных декадентских масках, прослеживая мотивы его текстов, возможные влияния и демонстрируя те импульсы, концепты, которые в дальнейшем сложились в целостную систему.

Заяц Элиота иронично и по всей видимости неслучайно перекликается с кроликом Харви, персонажем статьи Ирины Головачевой. («Кто такой кролик Харви? Претексты и контексте комедии Мери Чейз»). Впрочем, Харви, как известно, персонаж Мери Чейз, а Головачеву интересуют возможные источники этого образа, среди которых, по ее мнению, кролик Манабозо (персонаж индейских мифов), Счастливый кролик Освальд и Багз Банни. Я бы добавил к этому семейству кролика из классического рассказа Амброза Бирса «Чикамога», кролика, как будто вполне милого и домашнего и тем не менее внушающего персонажу, глухонемому мальчику, почти сверхъестественный ужас. Кролик Бирса по каким-то причинам – первый знак кошмарной реальности, скрывающейся за упорядоченным усилием культуры образом мира, и ему – самое место в ряду предков кролика Харви. Рубрика «Контексты литературы», в которой размещена статья Головачевой, включает также интересное исследование Дугласа Робинсона («Если бы у меня были мозги...»), предлагающего поиск аналогий между идеями романа Р.Пауэрса и теорией симулякра Ж.Бодрийяра. Интересно, что здесь в орбиту исследователя, как сейчас принято в США, попадают не только литература, но и кино, философия, а также нейробиологические теории.

Рубрика «Старый и новый свет», обязательная для подобного издания, содержит статьи Ирины Кабановой («Ивлин Во и Америка») и Викторией Поповой («Несостоявшаяся командировка Анри Барбюса в Латинскую Америку»). Статья И.Кабановой, написанная крайне профессионально, скорее закрывает, исчерпывает заявленную тему, нежели позволяет увидеть в ней перспективы дальнейших раздумий. Результат статьи кажется предсказуемым с самого начала: нас знакомят с брезгливым скепсисом английского сноба, сквозь зубы цедящего банальности в отношении культуры, которую он не знает, да и знать не хочет. Возможно научный сюжет стоило расшевелить более широким контекстом или попыткой объяснить, чем вызвана любовь самой Америки к Ивлину Во, так и оставшаяся неразделенной.

В свою очередь история несостоявшейся командировки Барбюса в страны Латинской Америки, изложенная В.Поповой куда более динамична и почти детективна. Автор антивоенного романа «Огонь», коммунистически ратовавший за социальную справедливость и всякие свободы, предстает марионеткой советских чекистов, не просто получавшей от них обстоятельные инструкции, что делать, что думать, что говорить, а всей душой стремившегося их получить. Тексты этих инструкций по-своему интересны: в них напрочь отсутствуют какие бы то ни было идеалы, зато ощущается трезвый цинизм и расчетливость реальполитиков.

Мода на архивные материалы, принявшая было в 1990-е болезненно одержимые формы, похоже миновала, но подобные публикации по-прежнему обязательный компонент любого уважающего себя журнала. Рубрика «История американистики» (будем надеяться она станет постоянной) представлена крайне интересной и информативной статьей Сергея и Ольги Пановых («История американской литературы» в советской Академии наук. Статья первая). Не менее интересны и архивные материалы, которые к ней прилагаются. Здесь речь идет о трагической эпопее создания «Истории американской литературы». Публикация эта нам представляется крайне важной. Дело даже не в детективности сюжета, не в трогательно-старорежимных рецензиях В.Жирмунского и И.Кашкина, а в том, что эта статья открывает молодым исследователям культуры генеалогию современной американистики, объясняя, откуда вырастают методологические ориентиры, свойственные нам и нашим учителям, как эти ориентиры сформировала научная конъюнктура и насколько они совпадали с конъюнктурой политической. По сути издание первого тома «Истории американской литературы» (1947) с ее отказом от вульгарного социологизма, от идей Лукача-Лифшица в пользу академизма – это отголосок победы сталинской Культуры-2 над авангардом. Ленинградские западники, возглавляемые В.Жирмунским, возвращаются к идеям Веселовского, слегка припудривая их цитатами из классиков марксизма. Аналогичным образом поступают и советские американисты, беря за основу В.Л. Паррингтона и отводя ему ту же роль, которую Жирмунский отводил Веселовскому. Как известно, «отечественное» происхождение Веселовского не уберегло его последователей от обвинений и проработок. А о том, что произошло с американистами авторы статьи обещают рассказать в следующем номере журнала.

Рубрики «Памятные даты», «Хроника, обзоры, рецензии» крайне интересны. Они знакомят нас с состоянием современной американистики, с крупными научными событиями и актуальными дискуссиями. История биографий Генри Джеймса, описанная Ольгой Анцыферовой, фактически рассказывает нам о различных этапах науки и сменах научных парадигм. То же самое можно сказать об обзоре истории Нортоновской антологии американской литературы, сделанным И.А.Делазари. Хроники научных конференций по американистике, составленные Н.Высоцкой и О.Анцыферовой, открывают ряд важных проблем в современной науке.

Существенно, однако, то, что первый номер журнала «Литература двух Америк» высвечивает множество проблем современных научных изданий. Он отражает нынешнее состояние американистики и гуманитарного знания, в целом, отчаявшегося преодолеть методологическую разобщенность. Редакция журнала, судя по всему, ощущает эту задачу как насущную и стремится ее решить. Ведь, строго говоря, о этого зависит, приобретет ли журнал свое лицо, как положено всякому журналу, не превратится ли он в сборник статей, пусть даже качественных. В небольшом предисловии мы читаем: «Приветствуются работы, посвященные школам, кружкам, группам и прочим формам писательских и шире, литературных объединений, литературным премиям, журналам, а также статьи на частные темы – исследования случаев». Ну что ж... Приоритеты, как мы видим, расставлены: обзорность, монографичность – на первом месте, «исследования случаев» – на последнем, в статусе «а также». Похоже это обозначение приоритетов – единственный способ сплотить сообщество американистов и попытаться сделать издание актуальным для всех. По этому пути идет и большинство западных изданий. Видимо другой путь – поиск общих методологических основания – пока невозможен.

«Литература двух Америк» еще раз подчеркивает специфическую отформатированность нашего гуманитарного знания, в котором историки, политологи, филологи, экологи, философы живут под разными номерами и разделены неодолимыми границами. Эта ситуация, мягко говоря, не симметрична тому, что мы наблюдаем в Европе и Америке. «Американские исследования» не ограничивают себя одной областью знания, и хроники научной жизни американистов – живое тому доказательство. Возможно, стоило бы, оставляя литературу в качестве заглавного сюжета, выстроить на площадке «ЛДА» диалог с нашими коллегами-американистами из других сфер, тем более, что составители Нортоновской антологии, судя по всему, перестали брать в расчет чисто эстетическое. Да и те, кто создавал оригинальную американскую литературу (Франклин, Эмерсон, Торо, Уитмен) хорошо понимали, что есть на свете вещи поважнее художественной формы.